

Юлий Буркин

Командировочка

*Часть сборника
Бабочка и василиск (сборник)*

Юлий Буркин
Командировочка

«Автор»

1990

Буркин Ю. С.

Командировочка / Ю. С. Буркин — «Автор», 1990

Шеф сказал: «Надо, Слава», и я поехал. Сперва поездом, потом на попутке, потом – пешком через озябший лесок по тропинке, показанной мне водилой: «Вроде бы там, говорят, институт какой-то...» Ну, а над названием учреждения мы посмеялись вместе. Решили, опечатка в командировочном...

© Буркин Ю. С., 1990

© Автор, 1990

Содержание

1.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юлий Буркин

Командировочка

Шеф сказал: «Надо, Слава», и я поехал. Сперва поездом, потом на попутке, потом – пешком через озябший лесок по тропинке, показанной мне водилой: «Вроде бы там, говорят, институт какой-то...» Ну, а над названием учреждения мы посмеялись вместе. Решили, опечатка в командировочном...

1.

Квадратные ворота из листового железа заперты, но в полутьме я разобрал кнопку на косяке. Или звонок не работает, или проводка тянется куда-то далеко, только я ничего не услышал. Нажал еще раз, подержал на всякий случай подольше и стал ждать. Минуты через три скрипнуло, и передо мной образовалось маленькое окошечко наподобие тех, что бывают в касках.

– Сюда давай, – раздался сиплый голос. – Паспорт давай. И командировочный давай.

Пальцы с кривыми желтыми ногтями приняли документы.

– Порядок. Иди, давай.

Железные створки, натужно завывая, отползли в сторону. Я шагнул в проем, и ворота за моей спиной закрылись. Из будочки КПП кряхтя выполз мой сипатый собеседник, тщедушного сложения старец, и заковылял по вытоптанной в снегу тропинке к приземистому строению в глубине двора. Я поспешил за ним.

– Пойдем-пойдем, – сипел старец, не оборачиваясь, – тут тебе хорошо будет. Дома-то, небось, не очень с тобой церемонятся, а тут, у нас хорошо тебе будет. Пойдем, давай.

«Черт, – подумал я, – как в дом престарелых ведет. Или в монастырь».

– Папаша! – крикнул я ему в затылок, – как это переводится – «НИИ ДУРА»? А?

– А ты не ори, давай, – резко остановился мой проводник, – НИИ ДУРА – это институт дураков, значит. Дураков тут исследуют. И тебя, вот, исследовать будут.

Он заковылял дальше, бормоча: «Это для умных – в стекле да в бетоне, а для дураков и так сойдет...» А я подумал, шутник, мол, дедуся, но почувствовал себя как-то не совсем уютно.

Мы подошли к бараку, и дед постучал. Из тесных сеней пахнуло казармой. Дед пропустил меня вперед, я хотел спросить его про паспорт, но дверь захлопнулась, и я остался один на один с новым, но не менее тоскливым персонажем – женщиной с кислым одиноким лицом.

– Ходют, ходют, когда хочут, ночь бы хоть вздохнуть дали, – неприязненно проворчала она и привела меня в холл с хилым фикусом в горшке.

Женщина открыла древний шкаф, покопалась в нем и сунула мне серую застиранную наволочку, две серые застиранные простыни, два серых застиранных вафельных полотенца и печатку мыла без обертки. Она отметила в толстой потрепанной книге, чего сколько дала «шт.», вписала туда же мою фамилию, велела поставить автограф и коротко проинструктировала:

– В конце коридора, налево.

– Там уже кто-нибудь есть? – спросил я, решив, что меня ожидает гостиничный номер, самый что ни на есть плохонький, вероятно.

– Есть, – саркастически подтвердила она и предупредила таким тоном, что я сразу почувствовал себя глубоко порочной натурой: – Простыни на портянки не рвать, возьмем в пятикратном размере.

Я поплелся по коридору, открыл дверь в конце его и остановился в нерешительности. Вдоль тускло освещенной комнаты тянулись ряды двухъярусных сеточных коек.

– Мужики! – раздался писклявый голос сверху, – еще один дурак прибыл! Привет, дурак!

– Пусть лучше сразу вешается, – отозвался другой голос, и целый хор загготал так, словно шутка была действительно удачной.

Что за черт? Кто все эти люди? Правда, однажды в Екатиленбурге, когда мест в нормальных гостиницах не оказалось, мне уже приходилось ночевать в подобной ночлежке, носящей гордое название «Дом колхозника», хотя и колхозов-то уже давно нет. Но там люди хотя бы не хамили, старались друг другу не мешать...

– Хлопец, – позвали слева, – подь сюда, тут возле меня место свободное имеется.

– Не ходи к нему, симпатичный, – снова встрял писклявый, – не ходи, он голубой.

Вокруг опять заржали, а я, стиснув зубы, прошел к пустой кровати, бросил под нее чемодан и, под шутки и прибаутки, разложил постель. Потом, стараясь не глядеть по сторонам, разделся, лег и закрыл глаза. Все в голове перепуталось. Я вдруг снова почувствовал себя восемнадцатилетним «салабоном», только-только прибывшим в войска. Но утро вечера мудренее. Институт дураков, значит. Ну, спасибо тебе, начальничек, спасибо. Я тебе это припомню еще, козел.

И вот с такой приятной мыслью я погрузился в сон. Снилось Элька. Как всегда.

Уши терзает консервно-баночный трезвон. Потом – тишина. Потом, – «Подъем!!!» – гремит командирский голос. Не сразу понимаю, где нахожусь. Сажусь на койке. Напротив добродушно усмехается немолодой уже полный усатый дядька. Потянувшись, он подмигивает мне:

– Вставай, проклятием заклейменный, жор стынет, – и подал мне руку, знакомясь: – Юра.

– Слава, – ответил я на рукопожатие. – Я не понял, это армия что ли? Сборы?

– Еще никто ничего не знает. Я сам позавчера только приехал. И остальные хлопцы – вчера-позавчера. А что это такое, что тут делать будем – шут его знает. Одно только успели выяснить, что все мы из разных, ныне захудалых, НИИ.

– Хоть старший-то тут есть кто?

– Я старший. По возрасту. И по званию: я майор в отставке, то есть, в запасе.

Информация, конечно, исчерпывающая. Я не нашелся, что сказать, протянул только «ну-ну» и стал одеваться. А майор в запасе Юра зыкнул тем самым командирским голосом, который меня разбудил:

– Выходи строиться на завтрак!

Столовая оказалась на удивление цивильной. Только окна – с решетками. Как и все здесь окна. И люди при дневном свете выглядели вовсе не «казарменными хулиганами», а «очень даже вполне», как выражается Элька.

На вопрос «куда платить?» вместо ответа румяная повариха крикнула вглубь кухни русско-народным голосом:

– Варвара, слышь?! Тут дурак-то один, платить куда, спрашивает! – и залилась глумливым мелодичным смехом. Невидимая из зала Варвара вторила ей – сперва в унисон, потом – в терцию, а потом и сама высказалась:

– Видать, думает, в ресторан угодил!..

И тут уж они впали в такое безудержное веселье, что я поспешил ретироваться. На «дурака» я не обиделся, я уже понял, что слово это не является здесь определением уровня интеллекта, а уж тем более – ругательством. Служит оно здесь, скорее, неким профессиональным термином или обозначением некоего социального статуса; вроде как «студент» или «военный». К таким словечкам быстро привыкаешь и перестаешь их замечать. Один мой бывший одноклассник, врач-психиатр, рассказывал, как совершенно измотанный он забрел после работы в магазин, подошел к небольшой очереди у прилавка отдела, торгующего спиртным, и спросил: «Больной, вы крайний?»

За один со мной столик сели Юра и еще двое. Один – типичный сельский учитель – патологически вежливый сухонький мужчина в очках, в потертом коричневом костюме, в вязаном жилете и галстук. «Борис Яковлевич Рипкин, – представился он, – сотрудник кардиологического центра». Другой – гривастый и широкий, с толстыми губами, толстым носом и маленькими бездонными голубыми глазками. Обтерев о штаны пальцы-колбаски, он поочередно протянул нам руку, сообщая: «Жора – ядерщик. Ядерщик – Жора».

Познакомились. Разговорились.

– Итак, Слава – электричество, Жора – ядерная физика, Юрий Николаевич – хладостановки и мои «сердечные дела». Какая связь? – размышлял вслух Борис Яковлевич, – что общего? Почему мы все оказались здесь? Чья это нелепая выходка?

– И чего они обзываются? – подхватил Жора. – Заладили: дураки, дураки... Я же и стукнуть могу. Сами дураки.

– Лично я не собираюсь искать ответы на эти вопросы, – заявил я, – просто, сегодня же поеду домой.

Мои сотрапезники переглянулись, смущенно посмеиваясь, так, словно я ляпнул что-то уж очень неприличное. Майор Юра Похлопал меня по плечу:

– Ты что ж, не бачил ничего?

– А что я должен был «бачить»?

– А часовых. И колючую проволоку.

Вот тебе и раз.

– Вы это серьезно?

– Нет, что вы, милейший, мы тут все шутники собрались, – язвительно сказал Борис Яковлевич. – А вот они там, на вышках, шутить, по-моему, не собираются.

– Что же вы не возмущаетесь, не требуете разъяснений?

– У кого?

– Ну... не знаю. Вот, хотя бы у нее, – кивнул я на повариху.

– Баба, она – дура, – веско сказал Жора, – она знать ничего не знает. И не хочет. У нее пропуск есть, часовые на нее и не смотрят. А сама она ни черта не знает.

– Бред собачий, – я отодвинул недоеденный от расстройства шницель. И тут в дверях появился высокий, худощавый, абсолютно лысый человек. Где-то я его видел раньше. Был он одет в ковбойку, в брезентовые штаны, а на ремне висела кобура. И он сразу стал центром внимания. Обведя помещение своими ярко-зелеными глазами, какие бывают у очень рыжих людей (а он может быть и был рыжим, пока не стал лысым?) он объявил:

– Господа ученые. Думаю, все вы жаждете узнать, куда и зачем вы прибыли. – И, выдержав эффектную паузу, закончил: – Следуйте за мной.

... – Звать меня Григорий Ефимович, фамилия – Зонов, – представился лысый супермен, когда мы неровной шеренгой выстроились вдоль стены коридора. – Прошу запомнить, Григорий Ефимович Зонов, – повторил он. – Я – заведующий нового отделения АН РФ – «Института души и разума», сокращенно – НИИ ДУРА. Я – такой же ученый, как и вы...

– То-то, начальник, у тебя пушка на боку, – ехидно выкрикнул уже знакомый мне писклявый голос, и строй загалдел.

– Тише! – гаркнул майор Юра, – давайте сперва выслушаем.

Зонов терпеливо дождался тишины.

– Понимаю, вы возмущены. Но считаться со мной вам придется. Сообщить вам я могу немного. Но это тот минимум, который вы знать обязаны. На сегодняшний день вы – участники крупномасштабного эксперимента. Для чистоты его вы не должны знать ни сути его, ни цели, ни сроков проведения. Но сроки эти согласованы с вашим начальством.

Вот где я его видел! У шефа, месяц назад. Еще удивился, чего они так смущенно притихли, когда я заглянул. Заговорщики, блин! Выходит, шеф-то меня элементарно в рабство продал!

– Но позвольте! – вскричал Борис Яковлевич. – Рано или поздно мы ведь все-таки выйдем отсюда. Надеюсь, вы нас не собираетесь «того»? «Для чистоты эксперимента»? – испугавшись собственной смелости, он смутился, снял очки и принялся полой пиджака протирать их стекла. Но, взгромоздив их на нос, опять обрел уверенность: – И когда мы освободимся, вам придется ответить за эту глупую выходку!

– А может быть, снова тридцать седьмой? – негромко высказал предположение кто-то. – Отдемократились?

Зонов усмехнулся и провел ладонью по лысине, словно поправляя несуществующую прическу.

– Не стоит гадать, – посоветовал он. – В настоящее время вы свободны в своих действиях и передвижении. В пределах территории полигона института, где вы сейчас и находитесь. Питание – трехразовое, бесплатное, смена белья – в банный день, по пятницам. Почтовый ящик во дворе возле двери. Но предупреждаю, письма должны носить только сугубо личный характер. Конверты не клеивать. Заклеенные будем жечь. Все. Разговор считаю законченным.

Не обращая внимания на наше возмущение, он направился к выходу. Но на полдороге остановился:

– Да, бумага и писчие принадлежности – у коменданта. И конверты. В неограниченном количестве. Ему же, если кто-то пожелает работать, подавайте заявки на необходимое вам оборудование, приборы, материалы и литературу. Вот только компьютеры в сеть подключены не будут. Во избежание утечки информации.

– Работать?.. – выкрикнул кто-то. – Издеваетесь?!

Зонов пожал плечами:

– Мое дело – предложить: фирма у нас богатая.

... Когда он ушел, майор Юра, завалившись на койку, заявил:

– Короче, вы, хлопцы, как хотите, а мне это даже нравится. Если с начальством все согласовано, то и думать тут не о чем. Отдохну хоть. Платят мне в институте с гулькин нос, все нормальные люди оттуда сбежали уже. Я пенсию зарабатываю, а то бы тоже сбежал. Холодильники мои не сгниют без меня. На то они и холодильники.

– Нет, позвольте – кипятился Рипкин, – мы что же – бараны или крысы подопытные?! Нас, выходит, можно вот так запросто взять и в клетку запереть? Да, конечно, все мы тут люди, посвятившие жизнь науке. Но не в том, простите, смысле...

– «Богатая фирма...», – передразнил Жора. – Мне, к примеру, ускоритель нужен. А он один стоит раз в сто больше всей этой конторы вшивой.

– О чем вы говорите, мужики? – вмешался я. – Бунтовать надо, шуметь.

– Погодь, – перебил Юра. – У тебя на сколько дней командировка?

– Написано – двенадцать.

– Вот и поживи тут спокойно эти двенадцать дней, а уж там посмотрим, что к чему.

– Да с какой стати?

– А вот с какой, – он постучал себя по правому бедру, намекая на пистолет Зонова.

– Бросьте, это же маскарад, – возразил я. – Или, в крайнем случае, газовик.

– А ты проверь, – посоветовал Жора, глядя на меня невинными глазками молодого кабана. И после паузы добавил: – Институт-то дураков. А кто их, дураков, знает?

– Дуракам закон не писан, – развил мысль Юра, – на дураков не обижаются. Дурак дурака видит из далека.

– Дураками-то по всему мы выходим, – заметил Борис Яковлевич.

– Вот что, – предложил я, – давайте познакомимся со всеми, попробуем подумать сообща.

– Это верно, – сел на кровати Жора, – глядишь, вместе чего-нибудь и сообразим. Кстати, анекдот. Два зека в камере сидят. Скучно. Один другому говорит: «Давай сказки сочинять. Я, например, начинаю, а ты, например, продолжаешь». «Давай», – отвечает второй. «Ну, слушай: посадил дед репу... Продолжай». «А Репа вышел и деда удавил».

Посмеялись. Очень к месту анекдот. И ко времени.

... Все тридцать с лишним человек сгрудились в одном конце спального помещения: кто стоял, кто сидел на табуретках и нижних ярусах коек, кто свешивался с верхних.

– Хлопцы, – начал майор Юра, – так вышло, что меня вы все уже знаете. А если кто не знает, то меня звать Юра. Есть предложение обсудить ситуацию сообща. Давайте говорить по одному, не перебивая. И давайте представляться. Так и познакомимся.

– Можно я? – поднялся одетый в кожаный пиджак и вельветовые штаны щуплый человек. Я сразу узнал его по голосу – тот самый писклявый шутник. – Мы все хотим знать, зачем мы здесь, так?

– Верно, – вылез Жора, – от нас чего-то хотят, нужно понять чего, сделать, и – «гуляй, Вася».

«Быстро ж нас обломали», – сказал кто-то за моей спиной, и все загомонили.

– Тихо, тихо, хлопцы, – обуздал нас Юра, – дайте сказать человеку, мы ж так до завтра ничего не решим. – Он обернулся к писклявому. – Вы назовитесь, кстати.

– Александр Александрович. Сан-Саныч. Химик. Точнее биохимик. Заведующий лабораторией. – Он был похож на киноактера Бронислава Брундукова, только тот всегда алкоголиков играет, Сан-Саныч же выглядел вполне благообразно. – Я считаю так: мы находимся в идиотской ситуации. А значит, и причина должна быть совершенно идиотской. Например, мой директор отправляет меня в командировки чаще всего не для дела, а исключительно чтоб от меня отдохнуть. Я же его замучил. Может быть тут все такие же проныры, как я? Если да, то кое-что тогда вырисовалось бы. Только как это выяснить?

– Проще пареной репы, – заявил Борис Яковлевич. – Поднимите руки те, кто считает себя неудобным своему начальству. – Сказав это, он поправил очки и первым демонстративно вытянул руку. За ним руки подняли практически все.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнул Сан-Саныч, – компания у нас подобралась прелестная. Значит, так. Сюда сослали «лишних людей» и будут смотреть, какой это даст экономический эффект. Так сказать, экспериментальное подтверждение эффективности сокращения штатов.

– Ерунда, – встал рыжий небритый мужчина. И сел.

– Обоснуйте! – задиристо выкрикнул Сан-Саныч. Рыжий снова встал:

– Во-первых, кому это сейчас надо, когда практически вся хозяйственная деятельность находится в частном секторе? Во-вторых, захотят, сократят и без всяких экспериментов. Наконец, в-третьих, как подсчитать экономический эффект, если мы все работаем в разных местах, в разных отраслях, да еще и не производим никакой конкретной продукции? Да при нашей-то системе. Невозможно. Как специалист заявляю. Я экономист. Павленко, – представился под конец выступавший и снова сел.

– А по-моему, мы торопимся, – свесился сверху голубоглазый парень лет двадцати пяти. – Никуда они не денутся. Сегодня-завтра придется им самим нам все объяснить.

– И что же вы предлагаете? Ждать милости от природы? Долго ждать придется! Меня, простите, зовут Борис Яковлевич. – Рипкин водрузил на нос очки и, скрестив руки на груди, сердито огляделся.

– Есть версия, – распевно прозвучал голос сверху.

Стараясь не сесть кому-нибудь на шею, вниз сполз полный молодежавый брюнет и втиснулся в ряд сидящих на койке.

– Я занимаюсь социологией. Мне кажется, все это, – он по-балетному плавно обвел рукой спальное помещение, – грубый, но занятный социологический эксперимент. Именно социологический. Есть такое понятие – «психология коллектива». Один из объектов исследования – так называемые «замкнутые группы». Они встречаются часто – в армии, на кораблях, в местах заключения, в экспедициях... Каков механизм возникновения таких феноменов поведения, как солдатская «дедовщина» или тюремное «паханство»? Каким образом происходит расслоение на лидеров и аутсайдеров? Чем обусловлен характер взаимоотношений – общей культурой,

образованием, степенью свободы? Или условиями быта? Очень интересно понаблюдать, как поведет себя группа лишенных свободы, если это не балбесы призывного возраста, а зрелые интеллигентные люди. Я думаю, нам нужно ожидать самых неожиданных изменений параметров. Например, ухудшится качество питания до полной несъедобности, какой будет коллективная реакция? Заставят трудиться, какотреагируем?.. Все это, повторяю, очень занятно.

– Ну, вы же волки, социологи, – сказал Жора с ударением в слове «волки» на последнем слоге и сплюнул в сердцах.

– Как вы, в таком случае, объясните что здесь собраны сплошь «неугодные начальству?» – агрессивно возопил Сан-Саньч, не желавший расставаться со своей версией.

– Это-то как раз ясно, – принял огонь на себя майор Юра. – Во-первых, у нас чуть не каждый чувствует себя «неугодным начальству». Мы и стране-то не угодны, судя по зарплате. А во-вторых, наши начальники просто спихнули «что поплоче», когда их попросили кого-нибудь «выделить».

– И что же из всего этого следует? – не выдержал я.

– Следует жить, – засмеялся Юра, – шить сарафаны и легкие платья из ситца...

... – Допустим вы и правы. Примем, так сказать, за основу вашу версию, – подчеркнуто официально говорил Борис Яковлевич. – В таком случае, как специалист вы, по-видимому, можете определить хотя бы приблизительно и продолжительность этого опыта?

– От двух-трех месяцев до полугода.

Все смолкли, переваривая сообщение. А потом также одновременно взревели. При этом Жора подкрался вплотную к социологу и кричал ему прямо в ухо: «Ну, вы ж волки, ну, волки!..», а тот самый голубоглазый парень, который только что советовал нам не торопиться, шумел теперь больше всех: «Да как же, – кричал он, – да что же?! У меня ж жена на седьмом месяце!..»

– Тихо! – зыкнул Юра, и народ послушно примолк. – Ты вот что, мил-человек, разьясни: а как они про нас все узнавать будут?

– Трудно сказать. Не исключено, что нас подслушивают и записывают.

– А телекамеры?

– Туфта, – вмешался Жора, – контора-то нищая.

– С чего вы взяли? – возразил социолог. – Очень может быть, что весь этот казарменный антураж – лишь необходимое условие для эксперимента. Лично я склонен думать, что эта контора, напротив, очень богата. Более того, я склонен думать, что она пользуется покровительством самых высших инстанций, иначе вряд ли кто-нибудь решился бы пойти на такие, явно идущие вразрез с законом, действия.

– Ну, волки, волки, – все не унимался Жора...

– Это невиданное попрание прав человека, – яростно взъерошил редкие волосы Борис Яковлевич. – И вы слышали: письма – только в открытых конвертах!

Я предложил:

– Давайте для начала, заявим свой протест руководству этого дурацкого института.

– Толку-то? – буркнул Жора.

– Ну, не знаю. Вдруг подействует.

– Дело Славик глаголит, – вдруг поддержал меня Юра. – Нужно попробовать. Чтоб бумага, и чтоб все подписались. А уж если по-хорошему не выйдет, тогда уж мы...

– Не надо! – прервал его рыжий экономист. – Нас ведь могут подслушивать.

– Верно, – задумчиво погладил усы Юра. – А давайте-ка, хлопцы, микрофоны пошукаем.

Мы разбрелись по помещению, кое-кто закурил, но Юра решительно пресек это дело и выставил курящих в коридор – «не положено». Мы ползали под кроватями, тщательно обнюхивая каждую щелочку между половыми рейками, забирались на спинки второго яруса, осмат-

ривая потолок, развинтили светильники и электрические розетки. Но так и не нашли ничего мало-мальски предосудительного. И все же, самые важные сообщения (если таковые будут иметь место) условились передавать друг другу письменно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.